

Глава 49

«Леди - для лордов.

Простолюдинки - для простолюдинов.

Некоторым суждено стать королями.

Другим суждено жить и умереть в забвении.

Такова жизнь».

Пока Мейслона тащили в дюрбергскую темницу, в его голове эхом звучали слова Халин. Город засыпало снегом, но его разум был слишком занят, чтобы думать о погоде. Мысли о том, чем закончилось это путешествие, сводили его с ума. И худшим из произошедшего, наверное, была его встреча с Халин. Точнее, то, что он от нее услышал.

Однако, хотя ее слова причиняли ему боль, они были правдивыми.

- Похоже, у старика Дарова наконец-то появится компаньон, - сказал русакийский воин, открыв ведущую в подземелье дверь.

Мейслона повели вниз по лестнице.

Вскоре стражники остановились перед одной из камер. Заглянув в темницу напротив, юноша увидел лежащего на полу спиной к стене старика. Его усы и борода были такими же седыми, как и длинные, давно нечёсанные волосы.

- Проснись, Даров! - засмеялся один из стражников, проведя палкой по прутьям решётки.

- Я не сплю, болван, - пробурчал старик.

- Мы привели тебе компаньона, - сказал стражник. - Теперь у тебя будет тот, кому ты сможешь рассказывать свои небылицы, - он втолкнул Мейслона в противоположную камеру.

Стражники оставили его в кандалах в темнице, освещённой единственным факелом.

Прислонившись лбом к холодной стене, Мейслон, закрыв глаза, вспоминал, каким наивным был, поверив, что Халин о нем помнит. Рамель, Бумар, Зияд, он сам... все они ошибались. А вот Халин была права. И ГERVини был прав. Только люди благородного происхождения имели право стремиться к недостижимому.

- Сынок, ты в порядке? - нарушил тишину подземелья старческий голос, вырывая Мейслона из мрачных мыслей.

- Да, в порядке, - ответил юноша, продолжая прижиматься лбом к холодной стене.

- Как часто эти демоны беспокоят твой разум? Не волнуйся, долго они не выдержат этого холода.

- Я в порядке, старик.

- Ну и кому ты перешёл дорогу? Лорду Ларовичу или его испорченному сыну?

Мейслону не хотелось разговаривать, но этот болтливый старик мог на какое-то время стать его единственным собеседником в этом промозглом подземелье.

- Кто такой Ларович? - спросил он.

- Никто, - ответил Даров, - всего лишь один из военачальников короля Бейхова, если тебе это имя о чем-нибудь говорит.

- Один из военачальников?

Это объясняло высокомерие его сына. Неудивительно, что ГERVINI чувствовал себя так уверенно.

- Значит, твоё здесь появление тоже связано с одним из них? - спросил юноша.

- Вообще-то, с ними обоими, - сказал Даров, глядя в потолок. - Это и привело меня сюда двенадцать лет назад.

- Вы здесь уже двенадцать лет? Видимо, вы действительно сильно их обидели.

- Нет, это был несчастный случай. Я не хотел убивать его сына.

- А кого хотели убить? Отца?

- Нет, - отмахнулся Даров. - Я не убийца, молодой человек, я химик. Но если ты слишком невежественен, чтобы понять значение этого слова, можешь называть меня колдуном.

- Видимо, я невежда, - Мейслону понравилось, что старик сохранил бодрость духа, несмотря на

долгое заключение. - Как ты его убил?

Даров усмехнулся, явно забавляясь тем, что Мейслон заинтересовался его историей.

- Четырнадцать лет назад я был призван на службу русакийским военачальником, чтобы усовершенствовать осадные орудия. Через пару лет я почти закончил работу над новым орудием, которое могло с большого расстояния за считанные минуты разрушить укрепленные стены, - он сделал паузу для пущего эффекта. - Оружие, которое поставило бы наших врагов на колени. Я не преувеличиваю. Оно издавало настолько жуткий звук, что одного выстрела было достаточно, чтобы напугать гарнизон любого осажденного форта. Ты можешь себе это представить? Наверное, нет.

Разумеется, Мейслон мог. Оружие Дарова напомнило ему отбитую у Призраков в битве при Кахоре катапульти.

- Как сильно оно отличается от катапульти? - спросил он.

- Абсолютно. Моё оружие выбрасывает снаряды с силой, которую ты не можешь себе даже представить. Они летят, подобно молнии, сынок. Когда я сказал Ларовичу, что готов испытать новое оружие, этот воодушевленный идеей обладания самым разрушительным в Горании оружием кретин, привёл на полигон своего старшего сына, Элова. Чтобы тот стал свидетелем испытания. К сожалению, все пошло не так, как планировалось, и оружие взорвалось. И угадай, кто взорвался вместе с оружием?

- Элов?

- Да, сын, которого Ларович готовил в преемники. В ярости он приказал сжечь меня заживо, но вмешался король Бейхов. Он уговорил Ларовича заточить меня в темницу до конца жизни.

- И что после этого стало с твоим громовержцем?

- Громовержец? Мне нравится это название, - сказал Даров. - Звучит более грозно, чем пушка.

То, как старик перескакивал с одной темы на другую, немного утомляло.

- Так что случилось с орудием?

- Уничтожено. Оружие и его создатель канули в Лету, сынок. Ларович никогда не выпустит меня отсюда.

Мейслон продолжал обшаривать глазами стены, надеясь, что сможет придумать способ выбраться из подземелья.

- Я не собираюсь здесь умирать, старик. Я выберусь, и заберу тебя с собой.

Сказать было легко - намного легче, чем сделать. Мейслон понял это спустя два дня после того, как попытался справиться со своими кандалами. Они были очень надёжными - он ничего не смог сделать. Кроме того, за эти два проклятых дня он осознал ещё один факт: мюрасенское лето было ничем в сравнении с русакийской зимой.

- До тебя были и другие, - сказал ему Даров, увидев его бесплотные попытки освободиться, - но все они умерли один за другим. Я никогда не видел, чтобы кто-то выходил в ту дверь в конце коридора. Всех вынесли.

Мейслон удивился, как старик сумел выжить в этом промёрзшем склепе, где спёртый воздух был наименьшей из проблем. Со временем нос Мейслона привык к затхлому воздуху подземелья, но на первое место вышла другая проблема - холод. Холодные цепи разрушали его конечности.

- Я не чувствую пальцев ног, - сказал продрогший, кажется, до самых костей юноша.

- Первое, на что жаловались другие перед смертью, было онемение, - донеслось из противоположной камеры. - Поэтому нужно как можно чаще шевелить конечностями.

- Это было бы легко, не будь на мне этих металлических штук, - подняв руки, Мейслон потряс кандалами.

- Я тоже был закован в кандалы в течение нескольких месяцев.

- И что ты делал?

- Прыгал, пока мои конечности не согревались.

Прыгать? Теперь становилось понятно, как этот старик смог выжить.

День за днём Мейслон выискивал новые уловки, чтобы защитить свои конечности от замерзания. Однажды он даже попробовал стоять на руках, подняв вверх ноги.

- М-да, такие трюки я точно никогда не проворачивал. Я для этого слишком стар, - сказал наблюдавший за ним Даров. - Но ты хорошо придумал. Ноги не мёрзнут, потому что не касаются пола, а руки - потому что к ним приливает кровь. Однако не оставайся так слишком долго, это тоже вредно. Для мозга.

Опустив ноги, Мейслон выпрямился.

- Как стражники снаружи переносят такой холод?

- Как? Они русакийцы, сынок! - сказал Даров. - Порождение Севера!

- Не знаю, как долго я смогу так продержаться.

- Ты можешь не жить, если не хочешь, - пожал плечами Даров.

- Те, кто умер в этой темнице... они сильно страдали перед смертью? - Мейслон поморщился, когда эта мысль пришла ему в голову. Однако его волновала не столько сама смерть, как боль.

- Самое трудное - начало, - сказал Даров. - Потом ты ничего не будешь чувствовать. Это похоже на засыпание.

- Не так плохо, как я думал, - юноша слабо улыбнулся.

- Я думал, такой воин, как ты, будет сражаться.

- Это ты настоящий воин, Даров! Смог выжить в таком холоде. Одна мысль о том, что я могу здесь состариться, сводит меня с ума.

<http://tl.rulate.ru/book/60360/1561979>